

СОВЕТСКИЙ МАРКСИЗМ: ВЗГЛЯД ИЗ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Б.Д. Голованов

*Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

Аннотация: *В статье даётся ретроспективный анализ идеологии советского марксизма, особое внимание уделяется её мировоззренческим и методологическим основаниям. Советский марксизм рассматривается как идеология эпохи индустриализации, периода когда социалистическое государство вынуждено было решать задачи, невыполненные российской буржуазией. Это взаимное наложение эпох создают свое специфическое идеологическое выражение, опирающиеся на исторический опыт становления и развития советского государства. Учение советского марксизма рассматривается через призму диалектики формы и содержания. Теоретическое освоение действительности, выражающееся через содержание учения и его логическое строение, рассматривается в диалектической связи с духовно-практическим освоением действительности, резюмирующим себя в социально-психологической инфраструктуре.*

Ключевые слова: *советский марксизм, идеология, ложное сознание, теоретическая рефлексия, коммуникативная рефлексия, догматизм.*

Исследуя современные идеологические процессы, невозможно обойти вниманием философско-методологические принципы, лежащие в основе самосознания новой исторической эпохи. Идеология и методология представляют собой взаимно-рефлексивные ментальные конструкции. Родственность этих сфер человеческой ментальности такова, что методологию мы можем охарактеризовать как наиболее распространённую разновидность идеологии эпохи Модерн. Нет сомнения, что без анализа культурно-исторических параметров современной ментальности невозможно воссоздать целостную картину постсоветской идеологической ситуации.

Важнейшая особенность постсоветского культурно-исторического пространства связана со становлением информационного общества и конституированием соответствующих форм общения. Эти формы общения уже не нацелены на воспроизводство глобального противостояния двух социально-политических систем. Идеологическая борьба как сознательная установка непосредственно не определяет содержание информационных потоков. Она исчезла с поверхности единого коммуникативного пространства и обнаруживается только в периоды его смыслового переформатирования. Окончание холодной войны породило иллюзию гло-

бальной модернизации на основе западных ценностей, но критический анализ этой иллюзии приводит лишь к констатации **реальности капитализма как мирового явления и сознательно направляемого разделения его на метрополию и периферию**.

Для исследователя, изучающего силовые линии идеологического поля, важно определить свою позицию, место с которого ведётся наблюдение, точку отсчёта, с которой он наблюдает меняющийся ландшафт исторического процесса. С этим методологическим ограничением тесно сопряжена одна из ключевых проблем постсоветской эпохи — формирование осознанного отношения к марксизму, коммунистической идеологии в целом и идеологии советского марксизма, в частности. Решение этой задачи требует перехода от отстранённого, монологического воспроизводства концептуальных построений предыдущих эпох к рефлексивному освещению постсоветской идеологического дискурса.

Вторая особенность постсоветской идеологической ситуации связана с изменением характера научной рефлексии, со **становлением рефлексии неклассического типа**, реализующей новые коммуникативные возможности. Над теоретической рефлексией, характерной для реифицированного миропонимания, надстраивается коммуникативная рефлексия, которая расширяет возможности человеческого мышления и создаёт новые способы организации научного знания.

Как полагал один из выдающихся социологов современности Н. Луман, мы являемся свидетелями того, как «место феноменологии бытия занимает феноменология коммуникации. Мир видят, как его подаёт образная коммуникация...» [Луман 2005: 140]. Формирование современной коммуникации усиливает тенденцию слияния реальности и сознания, формирует **гиперреальность, которая по своей природе насковзь идеологична**. Непосредственное восприятие этой реальности лишь способствует погружению индивида в мир иллюзий. Констатируя процесс деградации классических идеологий, философы и социологи обращают внимание на формирование социальной реальности, пронизанной сетью иных форм идеологического воздействия. Обратной стороной формирования новой гиперреальности являются колоссальные возможности манипулирования сознанием.

Современные масс-медиа создают универсальную форму, синтезирующую все средства убеждения повседневной жизни. На место замкнутого пространства тотальных идеологий приходит «слепая замкнутость системы общественной коммуникации» [Луман 2005: 141]. Коммуникативное знание, скрывавшееся в недрах тотальных идеологий, образует всеобщую реальность современного информационного общества. В условиях новой коммуникативной реальности диалектика духа, преодолевающего свое инобытие, раскрывается не как **противостояние вещи и мысли**, воспроизводимое в теоретической рефлексии, а как **противостояние Эго и Альтер**, требующее коммуникативной рефлексии.

Современная коммуникация структурируется как пространство кодов и символических ценностей. Символическое пространство дополняет концептуальное содержание идеологии, достраивает отношение означающего и означаемого до субъектного наполнения. Символическое, помимо того, что указывает на социальное измерение человеческого мышления (через отношение Эго и Альтер), открывает в концептуальном описании идеологической ситуации её «вертикальное» измерение и допускает использование означающего в качестве представителя означаемого (а не только как указание на означаемое), т. е. **в качестве заместителя священного, обретая тем самым способность устанавливать центр притяжения смыслов**.

Феномен идеологии, несмотря на имеющийся пафос его отрицания, продолжает существовать в структурной сетке современного коммуникативного пространства. Формирование узловых точек мировой коммуникации постоянно сопрягается с идеологическими процессами. Идеология выступает как **фактор и механизм переформатирования системы ценностных ориентаций**, поддерживаемых средствами современной коммуникации. Анализ смысловых узлов социальной коммуникации даёт нам представление о тенденциях,

подспудно действующих в пространстве той или иной цивилизационной ментальности. В эпицентрах смысловой коммуникации вызревают идеологические структуры, которые в дальнейшем становятся опорами для социально-политических проектов.

* * *

Доминирующим учением советской духовной жизни был советский марксизм. Название *«советский марксизм»* восходит к работам Герберта Маркузе, который в начале 50-х годов XX столетия после обобщающего философского анализа идеологической ситуации в СССР ввёл этот термин в научный оборот [Marcuse 1958]. Сами советские идеологи не считали свою доктрину локально-историческим явлением и полагали, что она представляет подлинную сущность марксистского учения, в отличие от иных его цивилизационных вариаций.

К моменту распада СССР советский марксизм прошёл стадию тотальной идеологии эпохи модернизации. Это общественно-политическое учение к началу 1980-х годов в основном исчерпало свой ресурс как мировоззренческой основы коллективных представлений. Догматические тенденции начали преобладать в нем сразу же после смерти В. Ленина и окончания военной фазы политической борьбы. Даже у наиболее талантливых последователей В. Ленина, таких как Н. Бухарин, диалектический метод постепенно вырождается в систему словесных формул, заменяющих реальное содержание революционных процессов. Критическую оценку методологии, культивируемой советским марксистом, дал А. Грамши¹. Он писал: «Вместо исторической методологии, вместо философии он занимается казуистикой частных вопросов, понимаемых и решаемых догматически, а то и чисто словесно, с помощью столь же наивных, сколь и претенциозных паралогизмов» [Грамши 1980: 286]. Способ мышления, который начал практиковаться в советском марксизме, А. Грамши охарактеризовал как *«позитивистский аристотелизм»*, характерной особенностью которого является объединение формальной логики с методами естественных наук. Эта эрзац-методология надолго заменила историческую диалектику, ею вместо поиска истины вменялся «поиск правильности, соответствия норме, единообразия» [Там же].

Ради справедливости следует отметить, что стремительное вырождение революционного марксизма в марксизм догматический во многом было обусловлено репрессиями, с помощью которых сталинский режим боролся со своими политическими противниками. Моральная автономия личности и свобода научного поиска грубо ограничивались, в научной дискуссии широко применялся метод перевода научных разногласий в политическую плоскость и последующей расправы с оппонентами как с классовыми врагами. В этих условиях блокировались процессы дифференциации коммуникативного пространства и становления коммуникативной рефлексии

В 1970-х годах в период строительства развитого социализма советский марксизм окончательно оформился как всеохватывающее догматическое учение, организованное по *«квази-религиозному»* типу. В его структуру входили: «Кодекс строителя коммунизма» — аналог 10 христианских заповедей, труды К. Маркса и Ф. Энгельса как аналог пророчеств Ветхого Завета, учение В. Ленина, как аналог Нового Завета и практическое руководство к действию. В перипетиях классовой борьбы сформировался исключительный статус Генерального секретаря как непререкаемого авторитета для советских граждан. Политбюро и ЦК КПСС выполняли роли Священного синода и коммунистического Ареопага. Мир рисовался как бескомпромиссная борьба между силами капиталистического ада и коммунистического рая, путь в

¹ А. Грамши был одним из немногих марксистов, кто наиболее близко подошёл к пониманию неклассической рациональности и необходимости культурно смыслового анализа связи социальной теории и практики. Свое понимание идеологической ситуации и её динамики он оформил в программе культурной гегемонии рабочего класса и тактики молекулярных трансформаций необходимых для обретения революционным классом духовного лидерства.

который для простых смертных лежал через очищение в горниле коммунистического строительства [Май 1997]. Влияние идеологии на духовную жизнь советского общества было настолько велико, что один из корифеев советской философии М. Мамардашвили утверждал: «Вся наша марксистская философия... выросла из этого понятия, занимаясь формированием идеологического сознания» [Мамардашвили 2002: 162]. Он предложил провести более глубокое исследование феномена идеологии, имеющее последствия для основ философского мышления: «...вдвойне интересно, я считаю, разобраться в нем, сделав, возможно, более существенный шаг, лежащий в основе всех современных размышлений об идеологии — о пересмотре теории сознания, которая составляет фундамент философии» [Там же].

Жёсткая конструкция идеологического влияния советского марксизма порождала проблему ответственности за любые, даже незначительные изменения содержания этого учения. Идеология служила своеобразным ключом к пониманию духовной сферы советского общества и концептуальному осмыслению различных её состояний. Изучение идеологических ориентаций и поведения советских граждан было строго регламентировано политическим руководством СССР. Подавляющее большинство усилий тратилось на точное цитирование классиков марксизма-ленинизма, как заклинание повторялись формулы, подобные следующим:

«Марксистско-ленинское мировоззрение — единственно научное мировоззрение социалистического и коммунистического общества».

«...марксизм-ленинизм является научной идеологией, которая позволяет понять направление и ритм исторического развития, правильно выразить интерес рабочего класса и совпадающие с ним потребности всех людей труда...».

«Марксизм..., как всякая научная теория, един и имеет всеобщий характер».

«Коммунистическое мировоззрение — высший исторический тип мировоззрения» [Марксистско-ленинское мировоззрение... 1987: 42–58]².

Эти тезисы в разных вариациях неустанно повторялись как раз накануне обрушения советской политической системы. Авторы, конструируя эти тезисы, не предпринимали попыток дать им какое-нибудь философское обоснование, молчаливо предполагалось, что исчерпывающая аргументация дана в трудах классиков марксизма-ленинизма и коллективных решениях съездов КПСС, необходимо лишь подобрать соответствующую комбинацию цитат.

* * *

В советский послевоенный период можно наблюдать многочисленные (более или менее успешные) попытки логически упорядочить мировоззренческое содержание марксистского учения и представить его как полностью рационализированную систему знаний. На фоне этих попыток становится особенно заметным невнимание советских обществоведов к проблемам соотношения сознательного и бессознательного в поведении социальных групп и отдельных индивидов. Советский марксизм как учение, наследующее идеи европейского Просвещения в качестве методологической установки поддерживал взгляд на внутренний мир человека как полностью осознанное единство мотивов и следствий человеческих поступков. Эксцессы «бессознательности» в поведении советских граждан относились на счёт «пережитков прошлого», с которыми необходимо вести беспощадную борьбу.

Массовая работа по воспитанию нового человека, начатая с первых дней советской власти, оформилась в грандиозный аппарат идеологической обработки населения. Одним из условий существования этого аппарата было поддержание исследовательской установки на потенциальную прозрачность внутреннего мира советского человека. В советском общественном знании не было официальных запретов исследования структуры коллективного бессознатель-

² Эта монография взята автором достаточно произвольно из многочисленных изданий подобного рода. Она представляет типичный коллективный труд советской эпохи, выполненный профессиональными идеологами на уровне требований, предъявлявшихся к такого рода работам.

ного, но существовало молчаливое табу, которое, на наш взгляд, было вызвано страхом перед стихийными силами человеческой психики, освобождёнными во время революции и лишь с большим трудом подавленными в период сталинской диктатуры.

Следует учесть, что советский марксизм с первых дней своего формирования опирался на мессианские чаяния, которые были сильны практически у всех социальных слоёв Российской империи. Мессианский архетип оказался созвучным идее всемирно-исторической миссии рабочего класса. Советские марксисты приложили немалые усилия, чтобы упаковать энергию коммунистического хилиазма в социалистическую доктрину. В итоге коммунистическая идеология стала трактоваться как полностью осознанная советскими людьми перспектива строительства бесклассового общества.

Таким образом, в процессе строительства нового общества и воспитания нового человека советский марксизм попал в ситуацию рефлексивного противоречия. С одной стороны, он призывал использовать *бессознательную энергию коллективных архетипов* (живое творчество масс), функционировавших в фундаменте российского общества, с другой стороны, система идеологической работы, которая должна была поддерживаться этой энергией, руководствовалась принципом полной рационализации внутреннего мира советской людей и *достижением полной прозрачности общественных отношений*. А. Дугин следующим образом выразил парадокс советской идеологической ситуации: «Большевики в отличие от либералов обращались (в тайне от самих себя) к пластам „политического бессознательного“, к напряжённым эсхатологическим ожиданиям, оформленным в социально-экономических терминах» [Дугин 2004: 434]. Содержание коллективного бессознательного поднималось на поверхность общественного сознания в формулах экономической теории. Последняя рассматривалась как прибежище ещё непознанных законов материального производства, образующих базис коммунистического общества. Сами же способы теоретической рефлексии, обращённые к живым основаниям общественной практики, оставались вне сознания тех, кто пользовался этими способами.

К 80-м годам XX столетия в советском обществе сложилась парадоксальная ситуация, когда основной инструмент контроля над общественным сознанием — идеология — *превратилась в “terra incognita” не только для рядовых советских идеологов, но и для партийной верхушки*. Марксистская идеология долгое время пребывала в тепличных условиях «официального учения». «Железный занавес» надёжно ограждал её от внешнего давления, строгая партийная цензура охраняла её от внутренней критики. В 1982 году, выступая на пленуме ЦК КПСС, посвящённом идеологическим проблемам, генеральный секретарь Ю. Андропов заявил: «Мы не знаем того общества, в котором живём». Это незнание повсеместно прикрывалось догматическими ссылками на классиков марксизма-ленинизма и лапидарным определением идеологии как «совокупности идей, выражающих интересы больших социальных групп, классов».

Спустя два десятилетия известный советский диссидент А. Зиновьев писал об этой удивительной ситуации: «Оказавшись в числе исследователей социальных объектов в широком смысле слова, я был поражён следующим фактом. Коммунистический социальный строй просуществовал в Советском Союзе и других европейских странах несколько десятков лет, изучением его занималось огромное множество специалистов, а за все эти годы о нем не было напечатано ни строчки, заслуживающей звание науки» [Зиновьев 2000: 25].

Много рассуждая об идеологии и идеологической работе, советское политическое руководство опасалось глубоких исследований в данной сфере. К изучению этой важнейшей для марксизма категории допускались только «избранные» учёные, чья лояльность коммунистической партии и советскому государству была подтверждена предыдущими работами и соответствующим политическим поведением.

В советской системе социальные исследования, направленные на обслуживание политики, не должны были выходить за рамки, очерченные *советским опытом коммунистиче-*

ского строительства. Содержание этого опыта тщательно отфильтровывалось через понятийную сетку уже не революционной, а догматической идеологии. Характеризуя концептуальный уровень советского марксизма, Т. Адорно писал: «Требование единства практики и теории незаметно унизило теорию до положения служанки; уничтожило в ней все то, чего могла и должна была бы достичь теория в единстве с практикой. Виза практики, которую требуют от любой теории, превратилась в штамп цензуры. Между тем, подчинив теорию практике наподобие знаменитой теории-практики, теорию лишили понятий, превратили во фрагмент политики, из лабиринтов которой она и должна была вывести; теория передана в руки власти» [Адорно 2003: 132]. Фундаментальные понятия социальной теории выступают как продуктивные методологические принципы только в случае сохранения своего рефлексивного диалектического строения. Внутренняя динамика понятия, движущая от понимания к осознанию, помогает научной рефлексии воспроизвести социальную реальность как целое, дающее смыслы всем своим органическим составляющим.

Поскольку на социальные исследования в советском обществознании накладывались жёсткие ограничения, то по прошествии определённого времени *догматизация советского марксизма* становилась неизбежной. Усилия новых поколений марксистов направлялись на более детальное освоение трудов классиков марксизма-ленинизма и более изощрённое приложение логико-гносеологического аппарата к изучению советского общества. Энтузиазм исследователей направлялся в области знания, наиболее удалённые от идеологических проблем, таких как государство, классы, партии, элиты. По воспоминаниям одного из разработчиков системно-структурного анализа Б. Юдина, «исследования в области философии и методологии науки в существенно меньшей степени, чем многие другие разделы философии, подвергались идеологическому давлению» [Юдин 2008: 28]. В значительно меньшей степени идеологическому контролю подвергались исследования в области методологии конкретных наук. «Не требовалось какой-то особой идеологической санкции для того, чтобы изучать эти методологические проблемы: эксперты в области идеологической чистоты были просто не компетентны для того, чтобы сколько-нибудь осмысленно отслеживать то, что делается в каждой из специальных областей знания с их запутанной терминологией» [Юдин 2008: 31]. Распространяясь на области, удалённые от социальной реальности, методология «марксизма» все более обретала позитивистское звучание, диалектика революционного действия превращалась в логику социального реформирования.

* * *

Несмотря на свехосторожность в изучении феномена идеологии, в советском обществознании оформляются два исследовательских направления. Дифференциация познавательных усилий была обусловлена самой природой идеологической работы, призванной соединить позитивную социальную доктрину и духовно-практическую деятельность, направленную на формирование сознания людей в соответствии с принятой доктриной. Этот процесс дифференциации исследовательских программ можно условно рассмотреть как взаимную рефлексивность формы и содержания советской идеологии. Консервативная тенденция в этом взаимодействии направлена на сохранение содержания доктрины и его логическое упорядочивание, тогда как деятельный импульс развивает и совершенствует духовно-практическую форму. Следует отметить, что оба направления исследований сохраняли свою приверженность *принципу потенциального тождества идеологии и науки*.

Стронники *первого направления* полагали, что «идеология — это систематизированное концептуальное знание, внутренне согласованное и логически стройное» [Яковлев 1979: 16–17]. Единство идеологии и научной теории закреплялось через критерий истины, которым выступала общественная и прежде всего политическая практика. «Критерий истинности, являющийся основным для науки, применим и для марксистской идеологии. Поэтому марксизм-ленинизм — это и наука и идеология» [Уледов 1985: 104].

Однако рассмотрению идеологии как формы общественного сознания, в исторической перспективе полностью сливающейся с научным познанием, препятствовало высказывание основоположников марксизма о том, что идеология — это *ложное сознание*, несовместимое с подлинно научным материалистическим пониманием истории. Периодически характеристика идеологии как ложного сознания всплывала на поверхность теоретических дискуссий [Адоратский 1990]. Сторонниками этой точки зрения идеология определялась как «мысли, которые оторвались от связи с материальной действительностью, утратили сознание этой связи, отражают эту действительность неправильно, в перевёрнутом виде и дают себе отчёт в этой неправильности» [Там же: 214]. Они полагали, что невозможно без глубокого философского исследования ложного, иллюзорного сознания продуктивно объяснить противоречия, возникающие в различных сферах практической деятельности.

Наиболее распространённым объяснением существования в одном учении двух трактовок идеологии стала апелляция к тому, что в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс имели в виду *буржуазную идеологию*, а она, по определению, ложная, тогда как В. Ленин, употребляя термин «научная идеология», имел в виду *пролетарскую идеологию*, а она, по определению, «истинная», поскольку правильно отражает процесс исторического развития. Идеология является ложной «лишь в конкретном проявлении, как выражение частных интересов эксплуататорских классов» [Уледов 1985: 97]. Полагалось, что только в общественных отношениях, основанных на частной собственности, заложена реальная возможность появления иллюзорного сознания. Окончательное превращение марксистской идеологии в науку относилось к обществу будущего, «где отношения между людьми становятся подлинно человеческими, осуществляются непосредственно и выступают в ясной форме, где исчезает основа для появления иллюзорного сознания» [Там же: 99]. Изживание иллюзорности представлялось как обратная сторона превращения опосредованных общественных отношений в непосредственно общественные и полная ликвидация товарного производства. В таком «прозрачном обществе» «идеология уже не выступает как ложное сознание» [Там же].

Эта цепочка аргументов скрывает порочный круг в определении и идеологическую тавтологию. С одной стороны, говорится, что «способность адекватного отражения действительности в полной мере свойственна лишь рабочему классу. В этом и состоит его классовый интерес» [Уледов 1985: 104]. Одновременно утверждается, что специфика классового интереса рабочих заключается в том, что «рабочий класс заинтересован в правильном отражении объективного мира, и его идеология действительно выражает истину» [Там же].

Представители *второго направления*, рассматривавшие идеологию как разновидность духовно-практического освоения действительности, акцентировали внимание на *социально-психологической инфраструктуре* марксистского учения, на организационном потенциале, который можно реализовать через данную инфраструктуру. А. Зиновьев, описывая идеологическую инфраструктуру (идеосферу) советского общества, выделил несколько основных направлений её функционирования: «...Во-первых, сохранение идеологического учения в том виде, в каком оно было канонизировано в то время. Охранять от ересей, расколов, ревизий, чуждых влияний. Содержать учение в состоянии актуальности, „подновлять“, осуществлять истолкование всего происходящего в мире в духе идеологического учения и в его интересах. Во-вторых, осуществлять тотальный идеологический контроль за всей „духовной“ сферой жизни общества. В-третьих, осуществлять идеологическую обработку населения, создавать в обществе требующееся идеологическое состояние, пресекать всяческие отклонения от идеологических установок [Зиновьев 2006: 396]».

Исходным материалом для понимания функциональных возможностей идеосферы становятся конкретные идеологические практики, в ходе которых индивидуальные восприятия людей оформлялись в коллективные представления об обществе и государстве. Адептов данного направления идеология интересовала как духовно-практическая деятельность, консоли-

дирующая сознание членов советского общества на базе определённых идей и мировоззренческих принципов. Заботясь об эффективности идеологического влияния, представители этого направления отодвигали вопрос об истине на второй план, а на первый план ставили задачу защиты государственных и партийных интересов [См., например: Лилов 1982; Печенев 1984 и др.].

Ключевой проблемой, с которой сталкивались представители данного направления, был вопрос *о судьбе пролетариата как субъекта исторического процесса и носителя «научной идеологии»*. Согласно ортодоксальному марксизму, революционное учение формируется как самосознание рабочего класса в ожесточённой борьбе с классом-антагонистом — буржуазией. В ходе этой борьбы пролетариат превращается из «класса в себе» в «класс для себя», выясняет свои коренные интересы и осуществляет всемирно-историческую миссию. Исторические факты свидетельствуют, что на протяжении длительного времени марксизм развивался как протестное самосознание борющегося класса. Но как только пролетариат совершает социалистическую революцию и начинает строительство бесклассового общества, он лишается классового антагониста и соответствующих оснований для протеста. В построении идеологии угасает стимул борьбы, который до сих пор двигал развитие классового самосознания. Советские марксисты, разрабатывавшие коммунистический проект, встали перед необходимостью *трансформировать энергию отрицания в позитивный принцип, развивающий самосознание правящего класса*.

Согласно ленинской интерпретации марксизма решающую роль в формировании самосознания пролетариата играет революционная партия, которая и должна была претерпеть серьёзные трансформации в эпоху построения социализма. Однако исследования вопросов партийного строительства находились под ещё более жёстким контролем партийного руководства, поскольку их решение непосредственно влияло не только на построение идеологии, но и на распределение власти внутри правящей партийной элиты.

Перед советским марксизмом встал вопрос о преодолении внутренних противоречий, которые не давали возможности сохранить целостность учения и эффективность контроля в созданной идеосфере. Главная проблема была в том, что подавляющее большинство идеологов воспринимали противоречия, на которые натыкались на каждом шагу, как внешние препятствия, созданные усилиями политических противников. Решение проблемы представлялось как подавление всеми возможными способами вражеской идеологии и разоблачение её классового характера.

Существование феномена советского марксизма изначально было сопряжено с политической мобилизации массового сознания на решение задач безопасности государства и индустриализации экономики. Живое творчество масс было подчинено задачам, которые не были решены в период капиталистического развития России. Эти исторические условия трансформировались в ментальные ограничения и запреты, поддерживавшиеся специально созданными для этой цели государственными и партийными органами. Идеологическая инфраструктура блокировала философскую рефлексию, направленную на формирование высших смыслов политического субъекта. Канонизировался конкретно-исторический опыт освоения социальной действительности, характерный для периода индустриализации. В рамках сформировавшегося канона заперлось диалектическое движение мысли и марксистское учение превращалось в догматическую доктрину, неспособную к дальнейшему развитию.

Адоратский В.В. 1990. Об идеологии. — *На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение*. — М.

Адорно Т. 2003. *Негативная диалектика*. — М.

Грамши А. 1980. *Избранные произведения*. — М.

- Дугин А.Г. 2004. *Философия политики*. — М.
- Зиновьев А.А. 2000. *На пути к сверхобществу*. — М.
- Зиновьев А.А. 2006. *Фактор понимания*. — М.: Алгоритм.
- Лилов А. 1982. *Теория и практика реального социализма*. — М.
- Луман Н. 2005. *Медиа коммуникация*. — М.
- Май А.В. 1997. *Модели господствующей идеологии*. — М.
- Мамардашвили М. 2002. Введение в философию. — *Философские чтения*. — СПб.
- Марксистско-ленинское мировоззрение... 1987. Марксистско-ленинское мировоззрение — единственно научное мировоззрение социалистического и коммунистического общества // *Коммунистическое мировоззрение: закономерность становления и основные элементы*. — К.
- Печенев В.А. 1984. *Социалистический идеал и реальный социализм*. — М.
- Уледов А.К. 1985. *Общественная психология и идеология*. — М.
- Юдин Б.Г. 2008. Из истории системных исследований: между методологией и идеологией. — *Вестник ТГПУ*. — Выпуск 1 (75).
- Яковлев М.В. 1979. *Идеология. Противоположность марксистско-ленинской и буржуазных концепций*. — М.
- Marcuse H. 1958. *Soviet Marxism*. — New York: Columbia University Press.